

Московской рукописи

(л. 209 оборот)

Ст. 1: καὶ ποτήριον ὥσπερ ἄνθρωπος

Ст. 2: καὶ πούλωρον τῆς αὐτοῦ καὶ λαβῶν

Ст. 4: καὶ τῷ οἶνῳ καὶ ὄρωρον... αὐτὸν

Ст. 5: καὶ τῷ νέῳ τῷ αὐτῷ ἔχεινος ὁ πενθερός καὶ πρῶτος γευόμενος

Ст. 6: στε ἐνεγκεῖν καὶ δι' ὅλλου

Ст. 7: χρυσῆν οὖσαν καὶ ἐξαίρετον ἀπάνθισμα πάντων καὶ τῶν κτημάτων

Издания Триклиния⁹³

Ст. 1: * ποτήριον + ὥσπερ ἄνθρωπος

Ст. 2: * εὐδαίμονος + πλουσιόδωρον + διὰ * τῆς αὐτοῦ * + λαβῶν

Ст. 4: * οἶνῳ * ὄρωρον παράσχοι ταύτην

Ст. 5: * αὐτοῦ * πρῶτος ἐκ ταύτης γευόμενος

Ст. 6 + ὥστε ἐνεγκεῖν δι' ὅλου

Ст. 7: * χρυσῆν + ἐξαίρετον κτήμα τῶν ἄλλων κτημάτων

Удалось, таким образом, установить определенное влияние византийских изданий на московскую рукопись. Можно предположить, что речь идет главным образом об издании Дмитрия Триклиния, воспринявшего поправки своих предшественников (Мосхопула, Фомы Магистра) и добавившего к ним свои собственные. Правда, мы не находим в московской рукописи характерного для изданий Триклиния пропуска колона φιλέοντι δὲ Μοῖσαι (II 27 a), однако это, обстоятельство лишь подчеркивает ограниченность влияния, оказанного на нее византийцами.

Итак, московская рукопись Ω (греч. 501), содержащая олимпийские оды Пиндара и находящаяся на хранении в Историческом музее в г. Москве, относится к числу рукописей середины XVI в. Текст московской рукописи близок к ряду рукописей полной и сокращенной ватиканских рецензий и восходит в конечном итоге к ватиканскому архетипу V в. н. э. Изучение рукописи приводит к выводу, что ее отнесение к разряду фоманских не вполне оправдано. Влияние изданий Фомы Магистра на московскую рукопись является относительно незначительным. Есть серьезные основания думать, что она должна быть зачислена к триклинианской группе. На это указывают заглавия од, близость московской рукописи к рукописям μ'ν', характер различий между ней и венецианским изданием 1513 г.

Анализ московской рукописи приводит, таким образом, к уточнению ее особенностей и доказывает необходимость внесения соответствующего корректива в общепринятую классификацию рукописной традиции Пиндарова текста.

⁹³ E. Abel, Scholia recentia in Pindari Epinicia, v. I, Budapestini et Berolini, 1891, стр. 244; Irigoien, ук. соч., стр. 358.

Н. С. Гринбаум

ОЛОНЕШТСКИЙ АНТИЧНЫЙ КЛАД

Осенью 1958 г. житель села Олонешты Молдавской ССР колхозник В. Н. Корчмарь в своей усадьбе при копке траншей для посадки винограда обнаружил 6 бронзовых шлемов, 6 пар поножей, бронзовый шестилампный светильник, бронзовую подвеску со стилизованным растительным орнаментом и часть бронзовой пластинки с рельефным изображением богини Афины. Эти вещи были закопаны на небольшой возвышенности у развилки оврага, спускающегося к крутому правому берегу Днестра. Такой рельеф местности мог быть хорошим ориентиром для того, кто спрятал вещи.

По рассказу нашедшего клад и контрольным раскопкам нами установлено, что шлемы лежали на глубине около 0,80 м от поверхности почвы в небольшой овальной яме, на глинистом дне которой в 0,50 м от шлемов обнаружены поножи, вложенные одна в другую. Шлемы также были сложены стопкой, один на другом, причем верхний шлем накрывал светильник. Такое положение предметов отразилось на их сохран-

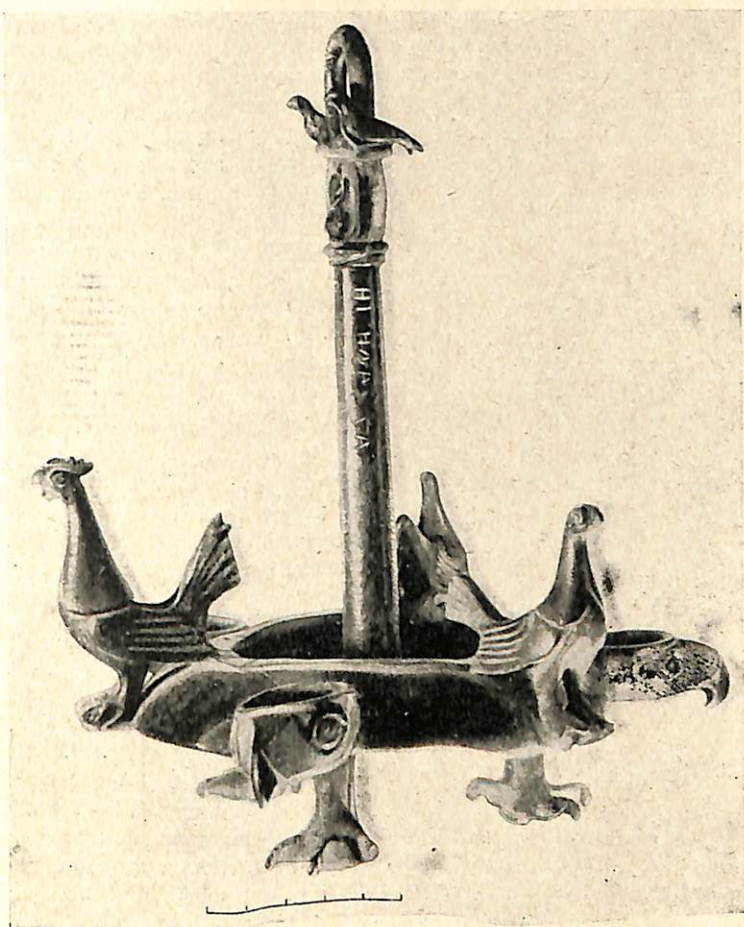

Рис. 1. Светильник с посвящением Артемиде Эфесской

ности: некоторые из шлемов и поножей дошли до нас в очень хорошем виде, тогда как другие вещи подверглись сильной коррозии и утратили некоторые части, что объясняется обстоятельствами их находки.

Отличная сохранность некоторых кнемид и шлемов позволяет судить о технике изготовления предметов. На поверхности кнемид местами уцелела не только позолота, но и отпечатки короткошерстной меховой подкладки. Светильник оказался защищен от почвенных и атмосферных влияний шлемом. Бронза светильника несколько потемнела снаружи, но не подверглась окислению. Внутри его открытого резервуара обнаружен нагар в виде легкой торфообразной массы пепельно-серого цвета, а на внешних частях рожков и особенно на стержне уцелел толстый слой копоти. Это дает основание говорить о длительном применении светильника вплоть до момента укрытия клада.

Все вещи олонештского клада греческие, но изготовление их относится к разному времени. Этот редкий клад, несомненно, имеет большое научное значение. Он дает материал для изучения греческого языка, искусства, техники и исторических событий, происходивших на берегах Понта в античное время. Из вещей особенно важны два шлема фригийско-аттической формы и светильник с надписью.

Светильник относится к наиболее древним предметам клада (рис. 1). Он отлит из бронзы по восковой модели; внешне напоминает люстру. Его общая высота 21,7 см, диаметр корпуса, стоящего на трех орлиных лапах, — 12,6 см. На загнутых внутрь

стенках резервуара, на одинаковом расстоянии друг от друга, расположены три орлиные головы, полые внутри, соединенные отверстиями с резервуаром, в который наливалось оливковое масло. Каждая орлиная головка как бы опирается на лапу с широко расставленными когтями. Между этими головками по краю резервуара помещены фигурки птиц, одна из которых изображает петуха, у второй птицы мохнатые лапы и

Рис. 2. Деталь светильника

хохлатая голова, похожая на голову глухаря или тетерева. У третьей птицы, сходной с предыдущей, головка была отбита и реставрирована еще в древности. Крылья этой птицы даны в стилизованной манере и немного напоминают крылья сфинксов (рис. 2). Птицы сверху имеют отверстия, в них вставлялись фитили, питаемые также из центрального резервуара, как и фитили в орлиных головках.

Из центра резервуара поднимается круглый в сечении стержень в виде колонки, увенчанной антропоморфным диском, на усеченной вершине которого лежит горизонтально расположенная планка, поддерживающая кольцо, по бокам которого помещены фигурки голубей. На стержне с трех сторон вырезана греческая надпись, повествующая о том, что светильник посвящен Артемиде Эфесской Гегенассой (дочерью) Геликона¹ (рис. 3). Имя богини с таким окончанием ('Артеμι) встречается в греческих надписях VI—V вв. до н. э. На

АРТЕΜΙΕΦΕΞΗΝ
ΗΓΗΛΑΣΣΑ
ΗΛΥΚΛΛΩΝΟΣ

Рис. 3. Надпись на стержне светильника

основании архаического характера надписи, изображения птицы с крыльями сфинкса, антропоморфной формы диска на стержне, техники изготовления (зачистка поверхности светильника после отливки производилась путем скобления ножевидным инструментом, а не напильником), значительного износа со следами неоднократной починки и реставрации светильник с [полным основанием можно датировать VI в. до н. э.

О культовом, храмовом назначении этого светильника свидетельствует не только надпись, но и семантика изображений, в частности антропоморфность диска, напоминающего головку трипольской женской статуэтки; это изображение может быть истолковано как изображение бесплодной луны — эмблемы священной девственности, главного атрибута культа Артемиды. Вполне возможно, что светильник длительное время находился в эфесском храме Артемиды, причисленном древними к одному из семи чудес света. История этого храма богата событиями. Он не раз был ограблен и разрушен, но его восстанавливали вновь. По преданию, храм был сожжен Геростратом в 356 г. до н. э., т. е. за 25—26 лет до того времени, когда, по нашему предположению, был закопан олонештский клад. Четверть века светильник из храма Артемиды вполне мог находиться в руках одного из преемников Александра Македонского или служителей храма, а затем взят полководцем, жрецом или иным лицом в понтийский поход.

Судя по всему, клад был закопан греками, и вещи его не являются трофейным имуществом скифов или гетов, точно так же и светильник не был принесен откуда-либо в

¹ Надпись прочтена А. И. Болтуновой; по второму варианту чтения, предложенному С. Я. Лурье и Т. С. Каухчишвили, слово «Геликона» читается как «Ликона».

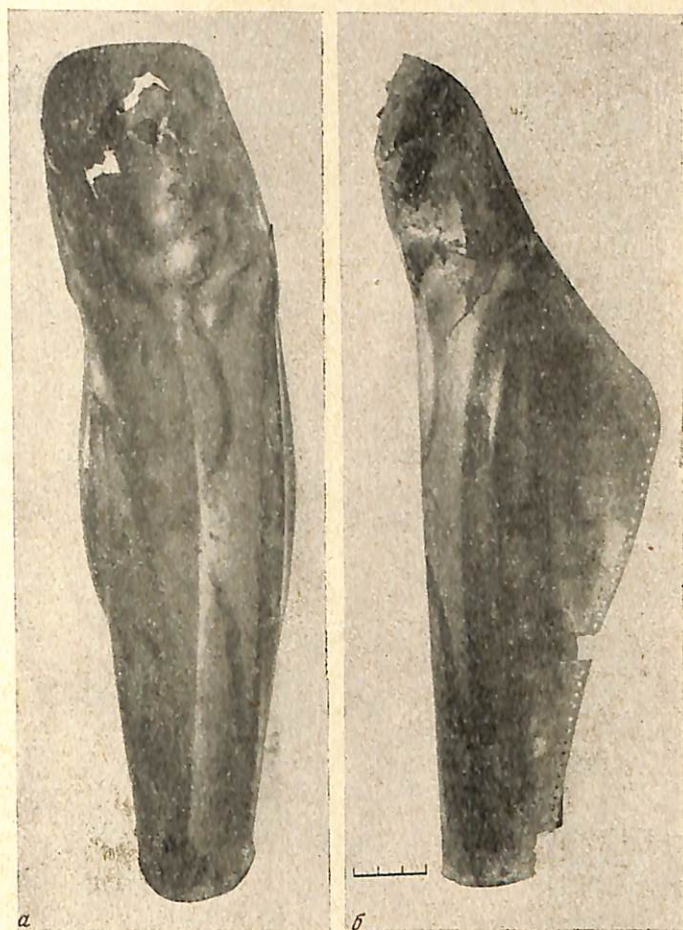

Рис. 4 (а, б). Поножи

ходе военных действий. Показательно в этом отношении скопление нагара на светильнике и положение его в кладах под шлемом, как особо ценной реликвии, связанной с греческим культом.

Все найденные в кладах поножи были выкованы из листов бронзы золотистого цвета толщиной в 2 мм на твердой основе — шаблоне, воспроизводившем форму ноги, изображенной в стиле классической эпохи; хорошо отражены все детали мускулатуры. По следам ударов, четко заметных на внутренних сторонах поножей, можно точно определить размеры и формы орудий мастера-медника. В основном это были молотки с плоскими, полукруглыми и валикообразными ударными частями. Перед ковкой бронзовый лист, несомненно, нагревался на горне до необходимой температуры, обеспечивавшей лучшую ковкость металла.

По форме, размерам и времени изготовления поножи олонештского клада делятся на две группы. Первая группа (рис. 4а, б), более древняя, состоит из двух пар кнемид небольших размеров (высота — 39 см, толщина в икрах — 10 см, снизу — 5,7 см). Создается впечатление, что эти кнемиды предназначены для детской ноги; они имеют высокие, но узкие надколенники, короткие боковые крылья; по краю их проходят часто расположенные отверстия для прикрепления меховой подкладки. С такими поножами, например, изображались греческие воины на чернофигурных вазах VI — первой половины V в. до н. э.

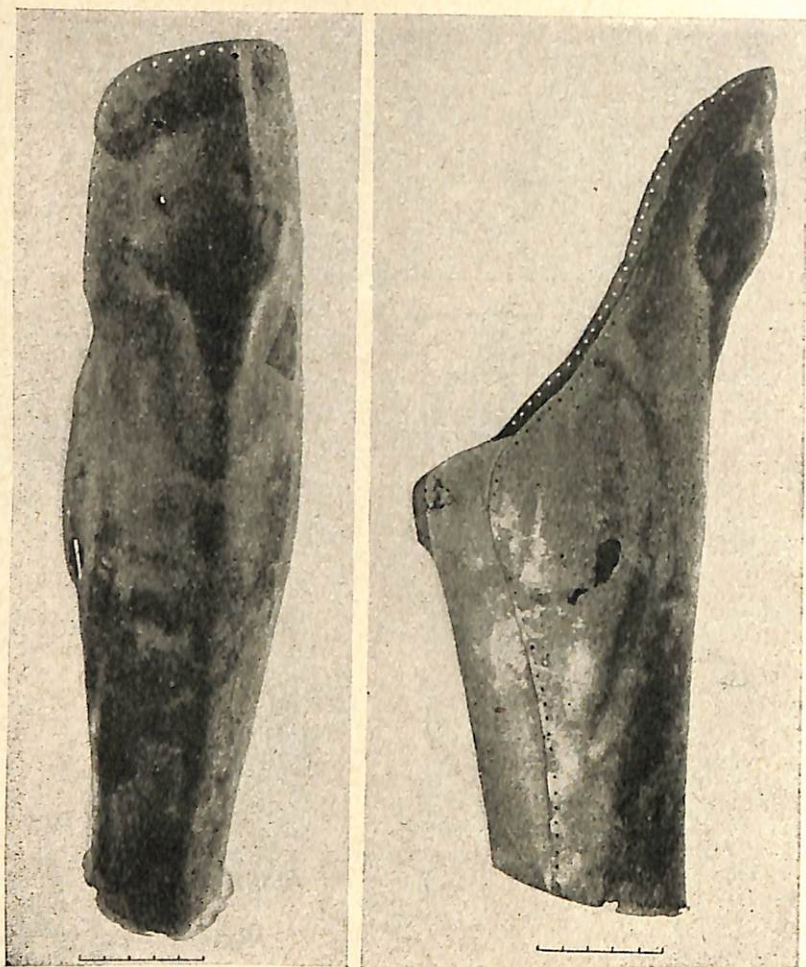

Рис. 5. Поножи с надставными пластинками

Одна пара поножей этого типа неумелой рукой укорочена возле щиколотки грубым срезом со столь же небрежным изгибом края (высота этих поножей — 38 см, толщина в икрах — 9,5 см, снизу — 5,5 см). К обоим поножам приклепаны дополнительно бронзовые пластины для более полной защиты ноги с боковой стороны (рис. 5). Таким образом, поножи были использованы вторично, они подгонялись к размерам ног нового владельца. Надставные пластины приделаны, вероятнее всего, уже в IV в. до н. э. по форме распространенных в это время поножей, у которых края сходятся близко друг к другу. Эти поножи принадлежали не рядовым, а богатым воинам, так как имеют дорогостоящую позолоту всей внешней поверхности, включая и добавочные пластины на икрах.

Цельнокованные бронзовые поножи второй группы (рис. 6) относятся к IV в. до н. э. На одной паре с внутренней стороны надколенной выпуклости нацарапаны два одинаковых слова, обозначающих греческое мужское имя, вероятно, владельца поножей (рис. 7). Эти поножи также покрыты золотом, их высота — 43 см, толщина нижней части возле щиколотки — 7,2 см, в средней части — 11,5 см.

Размеры поножей характеризуют физическое строение грека-воина, его геркулево-совское телосложение с хорошо развитой мускулатурой, рельефно выраженной в бронзе.

Шрифт надписей не противоречит датировке поножей IV веком до н. э. Примерно к этому же времени относятся аналогичные поножи с греческой надписью, найденные вместе с так называемым фракийским шлемом на юге Болгарии — в Асеновграде. Ссылаясь на особенности начертания некоторых древнегреческих букв, Т. Иванов датирует поножи из Болгарии V — началом IV в. до н. э.²

Не менее интересны и шлемы олонештского клада; к сожалению, из 6 найденных шлемов один утерян. Все шлемы изготовлены из цельных бронзовых листов путем горячейковки на твердой форме-основе. Великолепная сохранность некоторых шлемов, металл которых не подвергся коррозии, позволяет, как и на поножах, проследить технологические процессы, а по следам ударов — формы орудийковки. Два шлема аттического типа следует датировать первой половиной IV в. до н. э. Один из них имеет круглую шаровидную тулью, отделенную от нижней части выступом со стрелчатой вырезкой спереди, дугообразные надглазья, боковые скругленные вырезы и отогнутый наружу назатыльник, (рис. 8). Стрелка переноса отломана в древности, неровности излома сглажены. К древней починке относится заливка медью боковой пробоины, утраченные нащечники наглухо прикреплялись железными заклепками. Сверху шлем имел вмятины от сильных ударов, нанесенных еще в древности. Второй шлем с неполностью сохранившимся ребристым верхом похож на шлем из с. Пастырское (рис. 9). Подобные цельнокованные шлемы IV в. до н. э., известные по находкам во многих местах юга СССР, были опубликованы Б. З. Рабиновичем³. За последние годы количество подобных шлемов увеличилось за счет новых находок в Прикубанье (станция Темнолеская)⁴, на Кавказе (в Абхазии); они известны также в Болгарской Народной Республике (с. Сборище) и в Греции (Олимпия).

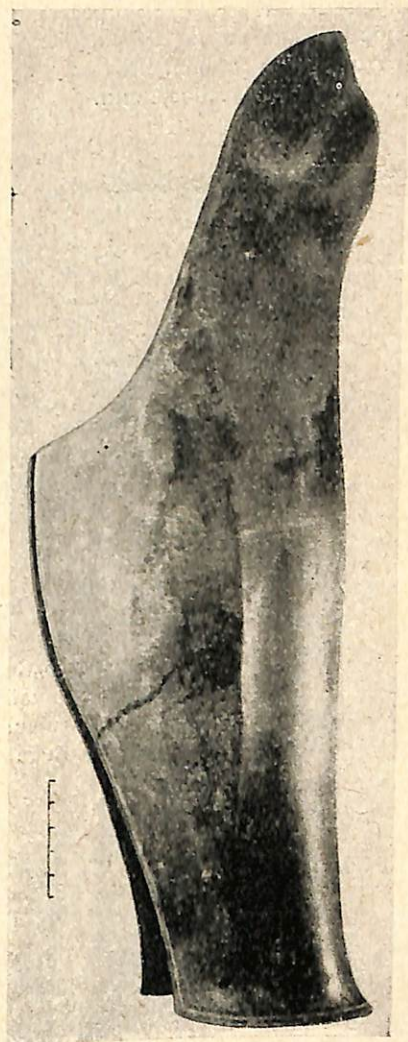

Рис. 6. Левая поножа с надписью

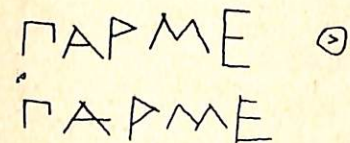

Рис. 7. Надписи на поножах: верхняя — на правой, нижняя — на левой

Исключительный интерес представляют три шлема олонештского клада с высокими клювовидными, загнутыми вперед верхами; два из них сохранились относительно хорошо, а третий во фрагментах, по которым мы даем его реконструкцию. Эти шлемы датируются нами второй половиной IV в. до н. э. Они целиком выкованы из листов бронзы при помощи тех же приемов, что и аттические. Шлемы такого типа, определяемые некоторыми исследователями как фракийские, по-

² Т. И в а н о в, Предпазно въоръжение на тракиец от Асеновград, София, 1948.

³ Б. З. Р а б и н о в и ч, Шлемы скифского периода, «Труды отдела истории первобытной культуры Эрмитажа», I, Л., 1941.

⁴ П. А. Д и т л е р, Аттический шлем из станции Темнолеской, СА, 1964, № 1, стр. 315—320.

лучили наибольшее распространение в эллинистическую эпоху. Верхняя часть шлемов похожа на верх фригийской шапки, однако нижняя часть аналогична форме аттического шлема. Поэтому правильнее было бы их называть не фракийскими, а фригийско-аттическими.

Рис. 8. Шлем аттического типа

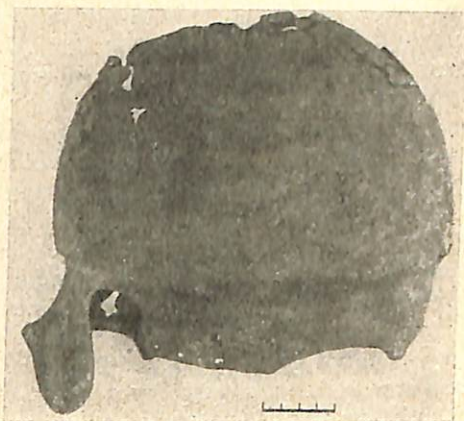

Рис. 9. Второй шлем аттического типа

На территории Советского Союза и за его пределами находки таких шлемов довольно редки. Один шлем был найден в 1885 г. в кургане Большая Близница на Таманском полуострове⁵. В Болгарии до недавнего времени их было известно пять. Изображения воинов со шлемами такого типа известны по росписи Казанлыкского склепа

и рельефам Сидонского саркофага. Однако все ранее найденные шлемы этой формы не идут в сравнение с олонештскими по изяществу форм и высоте технического мастерства.

Рис. 10. Шлем фригийско-аттического типа

Один из шлемов фригийско-аттического типа олонештского клада с широким прямым козырьком (рис. 10), напоминающим козырек шлема у всадника на золотом гробнице из кургана Солоха, сохранился наиболее полно; только сбоку и на затылке у него имеются глубокие вмятины от ударов, видимо, зубчатой палицы, а на козырьке замечен след от удара стрелы. С внешней стороны его в нескольких местах видны следы припайки серебром какого-то, возможно золотого, несохранившегося украшения. Высота этого шлема — 30 см, диаметры у основания тульи — 29 × 20 см. Особого внимания заслуживает второй шлем этой группы (рис. 11, а, б). Его бронза золотистого цвета местами покры-

лась патиной; от долгого пребывания в земле металл стал очень хрупким, и на стенках шлема образовались многочисленные трещины, причем ряд мелких частей утрачен. Нащечники отсутствуют. Как и предыдущий, этот шлем сохранил следы ударов

⁵ ОАК, 1865, стр. V; И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. 1, СПб., 1889, стр. 45, рис. 55.

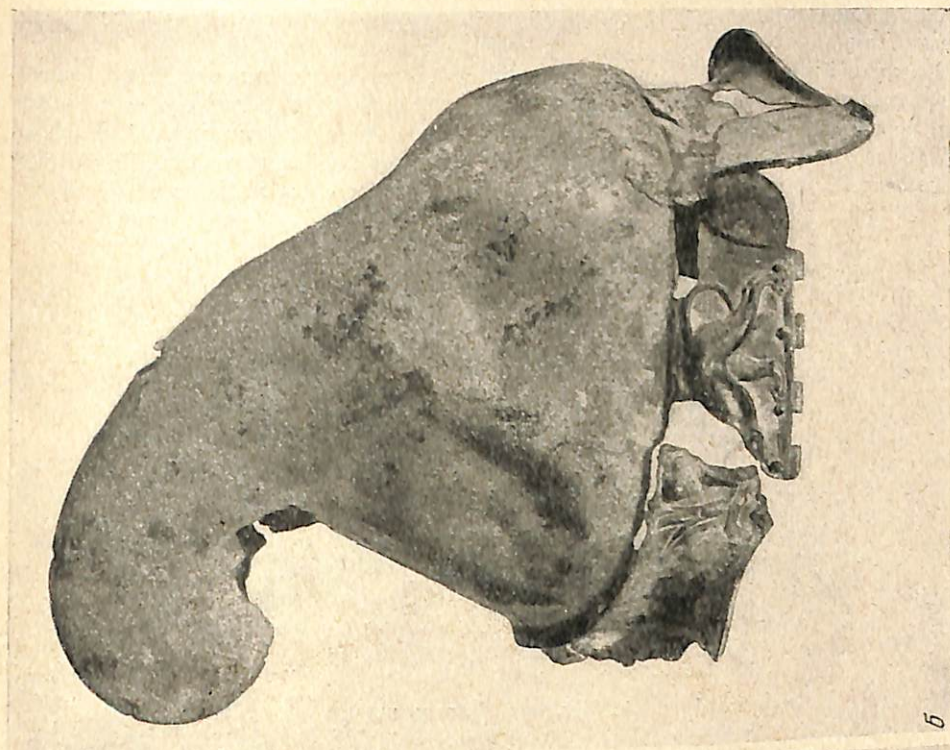
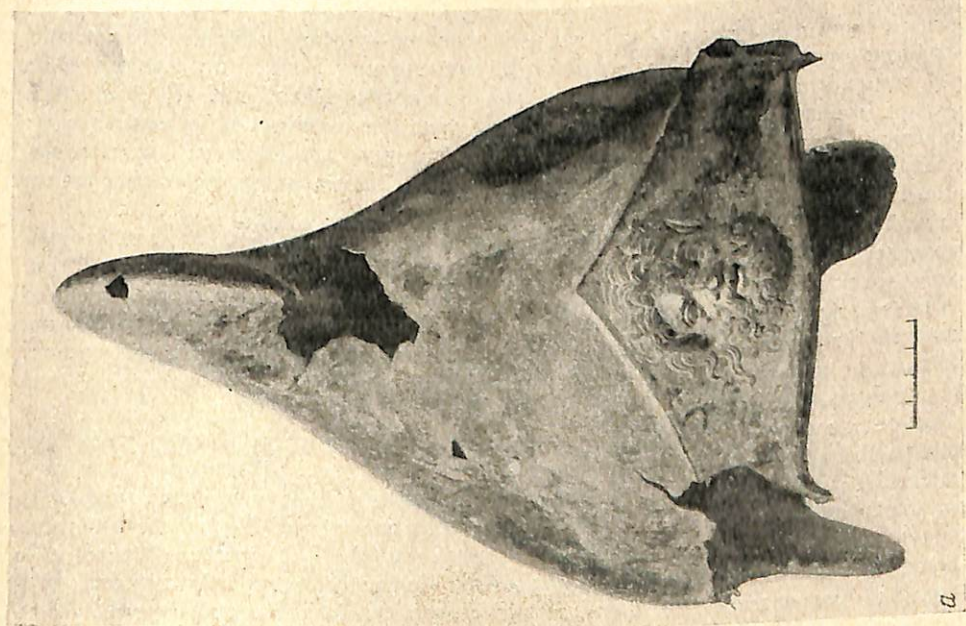

Рис. 11 (а, б). Шлем с изображениями Пана и пантер

тупого боевого оружия. Общая высота шлема — 25,5 см, диаметры основания — $24 \times 18,5$ см. Особенностью этого шлема является высокохудожественная рельефная орнаментация.

На лобной части, в центре треугольного выступа, помещена косматая голова Пана, переданная с большим мастерством. С замечательной тонкостью изображены волосы, гравированные зрачки; рот Пана имеет узкую прорезь. С внутренней стороны сохранился гипс, заполнявший пространство между основой и рельефом. Изображение головы Пана на шлеме, видимо, должно было выполнять магические функции,

Рис. 12. Пантера. Деталь шлема

устрашать врага и тем самым обеспечить победу воину — носителю шлема. По краю боковых сторон располагались рельефные изображения крадущихся по стволу дерева пантер, выполненные не менее художественно, чем голова Пана (рис. 12). К сожалению, детали пантер сильно пострадали. Изображения пантер и Пана принадлежат высокоодаренному мастеру, быть может, знаменитому придворному скульптору Александра Македонского Лисиппу или его ученикам. Без сомнения, столь роскошным шлемом мог владеть только военачальник высокого ранга.

Третий шлем из этой группы (рис. 13) был также выкован из цельного листа бронзы золотистого цвета; диаметры нижнего, слегка овального основания — 24 и 22 см. Верхняя часть тульи отделена выступом, проходящим по всей окружности; передняя часть шлема, представляющая одно целое с боками, выгнута полукругом, подобно коротким полям шляпы с утолщенным краем. От назатыльника с боков спускаются ушки, отделенные от передней полукруглой части вырезом; на левом ушке начертаны две греческие буквы AN.

Нам осталось сказать несколько слов о двух бронзовых предметах греческого искусства из этого клада, а именно, об ажурной подвеске (рис. 14) и миниатюрной головке богини Афины (рис. 15). Подвеска ($3 \times 3,7$ см) представляет собой ажурную тонколепестковую пальметку с двумя S-образными завитками. На ушке подвески, сделанном в виде трубочки, видна пальметка меньшего размера, оформленная рельефно. Головка Афины ($4,9 \times 3$ см) — произведение большой ювелирной тонкости. Она сделана из бронзового листа чеканкой по металлической негативной форме и затем кое-где (волосы, ресницы, обводки зрачков) подправлена резцом. На локонах, свисающих с плеч, четко вырисовываются круглые серьги из трех звеньев. Налобная часть шлема отделена от круглой тульи выступом с завитками на височной части, как на упоминавшемся шлеме из Большой Близницы; гребень шлема увенчан фигуркой лебедя. Это изображение Афины, как и шлем с Паном и пантерами, датируется второй половиной IV в. до н. э.

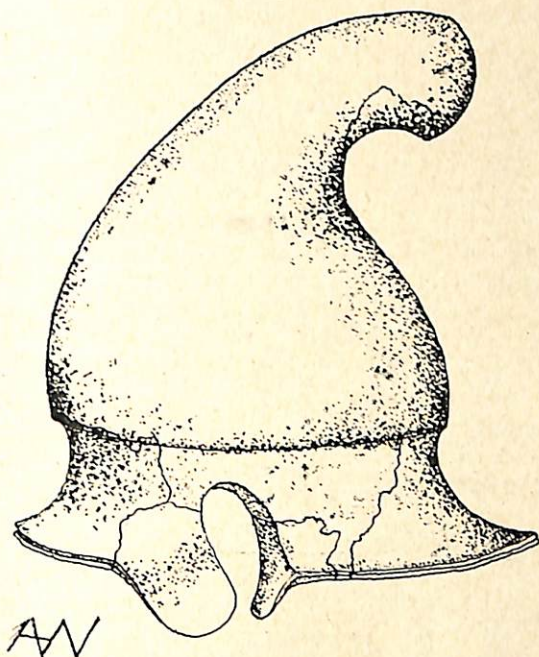

Рис. 13. Фригийско-аттический шлем со знаком на левом ушке

В итоге обзора вещей олонештского клада возникает вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах они были закопаны. Учитывая время наиболее поздних вещей клада и допуская, что некоторое время после изготовления они были в употреблении,

Рис. 14. Подвеска

Рис. 15. Головка Афины

следует думать, что клад был зарыт около начала последней четверти IV в. до н. э. Тот факт, что на всех шлемах имеются следы ударов, заставляет полагать, что их владельцев постигла военная катастрофа.

Известно, что примерно в 331—330 гг. до н. э. Зопирион, полководец Александра Македонского, вторгся с большой армией в Северо-Западное Причерноморье и осадил Ольвию, но не добившись успеха, вынужден был снять осаду сильно укрепленного

города и возвратиться обратно. При отступлении его войско и сам полководец были уничтожены скифами и гетами, о чем свидетельствуют античные авторы — Макробий ⁶, Курций Руф ⁷ и Юстин ⁸. Вполне возможно, что вещи олонештского клада принадлежали военачальникам Зопирона. К такому мнению нас склоняет как содержание клада, так и его местоположение.

Если взглянуть на карту северо-западной части Причерноморья и представить себе возможный путь отступления Зопирона, то можно увидеть, что наиболее удобно переходить Днестр было именно около совр. села Олонешты. Следует отметить и тот факт, что во второй половине IV в. до н. э., т. е. во время похода греков, прекращается жизнь на Роксоланском и Надлиманском городищах, расположенных на западном берегу Днестровского лимана. Эти поселения, вероятно, оказались в зоне военных действий.

Г. П. Сергеев

⁶ Macr., Saturn., I, 11, 13.

⁷ Curt., X, 1, 43.

⁸ Just., XII, 2 16.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОЛЬВИЙСКОГО ДЕКРЕТА В ЧЕСТЬ ПРОТОГЕНА

Основная тема, затрагиваемая в настоящей статье, уже давно привлекает внимание исследователей. Надпись, о которой идет речь ¹, исключительно содержательна. В тексте, выдержанном в трафаретной форме почетных декретов, рассказывается о ряде важнейших фактов жизни Ольвии, существенно дополняющих представление об этом городе, основанное на других источниках. Эти факты касаются экономического положения Ольвии, ее государственного строя, органов управления, внутренней жизни и той внешней обстановки, которая сложилась в ближайших к городу степях. Особое внимание привлекает отраженное в надписи трудное и напряженное положение, в котором оказалась Ольвия во время, близкое времени издания декрета в честь Протогена. Естественно, что все исследователи, имеющие дело с этим эпиграфическим памятником, не могут не интересоваться вопросом о его дате. Однако вопрос этот оказывается вовсе не простым. Прямых указаний на время в тексте надписи нет; приходится обращаться к признакам другого рода.

Среди признаков, помогающих выяснению датировки эпиграфического документа, один из важнейших — характер его письма: часто время надписи может быть установлено, при этом с полным основанием, именно по шрифту, которым она выполнена. Но бывают случаи, когда этот способ определения времени памятника оказывается затруднительным, иногда и прямо невозможным: это касается главным образом надписей, шрифт которых необычен, своеобразен, не встречает аналогий в датированных эпиграфических документах. В таких случаях исследователям приходится, с одной стороны, заняться изучением шрифта надписи особенно тщательно и детально, с другой, — искать другие датирующие признаки.

Декрет в честь Протогена именно и представляет собой одну из надписей, не имеющих, как было указано, в тексте точной даты и вместе с тем исполненных шрифтом, не относящимся к числу тех шрифтов, время распространения которых твердо установлено в эпиграфике. Отметим также, что и обстоятельства находки декрета остались неизвестными его издателям и исследователям.

¹ IOSPE. I², 32.

Все это обусловило сложную и длительную работу по выяснению датировки рассматриваемой нами надписи: каждый интересующийся этой надписью был вынужден начинать с установления своей точки зрения на наиболее вероятную ее дату. А трудности, о которых у нас уже была речь, привели к тому, что единой точки зрения относительно даты декрета нет у специалистов и до сих пор.

Отсылая интересующихся к опубликованным сводкам высказываний о времени издания декрета в честь Протогена², мы ограничимся здесь лишь самым кратким перечнем основных взглядов по этому вопросу и их обоснований.

Первые издатели декрета в честь Протогена (Г. К. Е. Кёлер в 1822 г., П. Кенпен в 1823 г.) в первых своих статьях не высказались вовсе о дате публикуемой надписи. Однако появление в печати новой надписи, настолько интересной и для истории Ольвии, и вообще для истории древнего мира, не могло не привлечь внимания широких кругов специалистов; делаются попытки определить время нового эпиграфического документа. Колебания в предложенных специалистами датах были в первые десятилетия очень значительными. Кёлер в рецензии на публикацию Кенпена относит надпись без всякого обоснования предложенной даты ко времени Августа и Тиберия; Мальт-Брен (1823 г.) — к III в. до н. э. — 240—200 гг.; Рауль-Рометт (1823 г.) — ко времени Митридата; Летронн (1823 г.) — к I в. до н. э.; В. С. Шмидт (1836, стр. 357 сл. и 571 сл.) высказывается за III в. до н. э. — 279—213 гг.; А. Бёк (1843 г.) — за II—I вв. до н. э.³ Уже этот перечень, далеко еще не полный, включает, таким образом, весьма различные датировки — от III в. до н. э. до конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. Вместе с тем в работах этого же времени наметились и основные виды источников, служившие исследователям обоснованием предложенных ими датировок. Из этих видов источников главными оказываются два: 1) источники исторические, т. е. те исторические данные, которые содержит текст надписи; 2) характер письма. Из источников первой намеченной нами группы внимание исследователей постоянно привлекали, привлекают и теперь случаи упоминания в тексте декрета негреческих племен, наступавших на Ольвию; среди них важнейшим является упоминание о галатах, известных нам также по сообщениям древних авторов⁴. Но один только факт упоминания галатов не может считаться достаточным для определения времени надписи: именем галатов назывались прежде всего галаты, царство которых существовало во Фракии в период с 279 по 213 г., иногда — скирды и бастарны, время могущества которых — уже II в. до н. э. Очевидно, исследование вопроса о племенах, угрожавших Ольвии, следует дополнить также и работой над другими видами источников, прежде всего над вторым намеченным нами источником — характером письма надписи.

Необходимость внимательного рассмотрения шрифта декрета в честь Протогена сознавалась специалистами уже в первое время после его опубликования, в том числе теми, кто считал главным критерием для определения этого документа данные исторического характера. Нет надобности останавливаться на каждом или хотя бы на главных из таких исследований; отмечу лишь, что в центре внимания всех, занимавшихся письмом этой надписи, было начертание отдельных букв, отличающихся, как пред-

² Попытки датировать декрет в честь Протогена, имевшие место до 1887 г., изложены в монографии В. В. Латышева «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии», СПб., 1887, стр. 66—86; эта сводка была существенно дополнена им же в IOSPE, I², стр. 43 и 52. Из перечней вышедшей позднее литературы о дате декрета в честь Протогена следует отметить: Ф. С л ю с а р е н к о, Грецько-скитські відносини II ст. пер. Хр., «Науковий ювілейний збірник в честь Масарика», Прага, 1925, стр. 268 сл.; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 534 сл.; Н. В. Ш а ф р а н с к а я, К вопросу о кризисе Ольвии в III в., ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.

³ Названия всех этих работ см. IOSPE, I², стр. 43 и 52—54; см. также Г а й д у к е в и ч, ук. соч., стр. 534 сл.

⁴ P o l y b., IV, 46, 4.